«Неделя», 1977, 11 апреля

Многие ли из читателей ответят на этот вопрос, как, впрочем, и на подобный вопрос, обращенный не только к героям Л. Толстого, но и хотя бы к знакомым или к себе самому? А между тем, для Льва Толстого этот вопрос имел очень существенное значение.

В статье «Для чего люди одурманиваются?» (1890 г.) Л. Толстой изложил свою точку зрения на вино, табак, наркотики. Выдвинутые им теоретические положения были плодом многолетних наблюдений и раздумий. Он считал, что люди одурманивают себя «не так, от скуки, для веселья, а есть тут какая-то более важная причина».

Верный своей философии, писатель усматривал ее в разладе духовного начала человека, совести, с образом жизни. Тенденциозность подобных рассуждений вызвала уже нарекания современников. Так, Н. К. Михайловский в статье «О гр. Толстом и о наркотиках» обратил внимание на несостоятельность воззрений писателя, который не заметил «многообразия причин, заставляющих людей обращаться к наркотическим средствам», «и до паразитичности опростил чрезвычайно сложный вопрос».

Полагая, что в художественном произведении главное заключается не в завязке или описании жизни людей, а в единстве самобытного нравственного отношения к предмету, Толстой в мельчайших деталях повествования обнаруживает его.

Мы позволили себе на примерах одного романа Л. Толстого — «Анна Каренина» — проследить все случаи упоминания на его страницах табачного дыма, папирос, пахитосок и сигар и пришли к заключению, что эта, казалось бы, безразличная читателю бытовая деталь ни разу не вводится писателем случайно, а лишь в соответствии с убеждением, что «одурманивание табаком точно так же, как и вином, действует на совесть и что люди сознательно прибегают к этому одурманиванию именно тогда, когда оно нужно им для этой цели».

С сигарой или папиросой постоянно изображает Толстой Степана Аркадьича Облонского, чьей натуре «фальшь и ложь были противны», но который из-за слабости своего характера и всепоглощающей потребности в легком и приятно-праздном существовании к такой фальши вынужден прибегать. Так, перед объяснением с женой, которой он был неверен, Степан Аркадьич «вынул папироску, закурил, пыхнул два раза, бросил ее в перламутровую раковину-пепельницу» и только потом вошел в комнату Дарьи Александровны. Приехав к Каренину по делу о разводе сестры, Облонский «достал папиросу»; «голос совести» говорил ему, «что дурно то, что он был намерен сделать». Толстой в данном случае указывает на прямую связь между пристрастием Облонского к табаку и характером его поступков: «Чтобы скрыть это смущение, он достал только что купленную с новым способом открывания папиросницу и, понюхав кожу, достал папироску». Курит Облонский и на службе, которую Левин, чьи воззрения особенно близки Толстому, «в душе презирал», «считал пустяками и смеялся над этим», закуривая, отправляясь ночью к дворовым девишкам, — одним словом, всякий раз, как совершает что-то нечестное, противное совести.

Курит «пахитоски» бездушная и развращенная интриганка Бетси Тверская. Окружающие княгиню люди, у которых были «одни и те же» вкусы, что и у «полусвета», тоже курят, например Сафо Штольд. Она появляется в салоне Бетси Тверской, блистая туалетами и крайней «смелостью манер».

Курит сигары Сергей Иванович Кознышев, к трудам и деятельности которого Толстой относится неизменно иронически. Левин, чем больше «узнавал брата, тем более замечал, что и Сергей Иванович и многие другие деятели для общего блага не сердцем были привязаны к этой любви к общему благу, но умом рассудили, что заниматься этим хорошо, и только потому занимались этим».

Недвусмысленно отрицательное отношение Толстого к дворянским выборам, где Левин «был без интереса и без дела», «тщетно напрягая свои умственные силы, чтобы понять, что говорилось», несколько раз подтверждается упоминанием о том, что там много курили и что Левин «не курил».

Проводы добровольцев на сербскую войну проходят в табачном дыму. «Все то, что делает обыкновенно праздная толпа, убивая время, делалось теперь в пользу славян», — с откровенной издевкой замечает Толстой.

Много раз высказанная Толстым нелюбовь к врачам, «шарлатанам» и «пустобрехам», людям, с его точки зрения, большей частью безнравственным, обнаруживает себя в романе и знаменательной деталью. Описывая роды Кити, автор упоминает о докторе, «курившем одну толстую папиросу за другой и тушившем их о край полной пепельницы».

ОТЧЕГО КУРЯТ ГЕРОИ ТОЛСТОГО

В романе лишь однажды сигару курит человек, с точки зрения Левина, достойный уважения, — его свояк Львов.

«Львов в домашнем сюртуке с поясом, в замшевых ботинках сидел в кресле и в рince-nez с синими стеклами читал книгу, стоявшую на пюпитре, осторожно на отлете держа красивой рукой до половины испепелившуюся сигару».

Тем не менее и на этот раз сигара в руке героя — не простая случайность. Он «всю свою жизнь провел в столицах и за границей», там воспитывался, служил дипломатом. Львов даже не совсем свободно владел русским языком: он, «разговорившись, как обыкновенно, тотчас же перешел на более удобный ему французский язык».

Писатель изображает переходное состояние человека, в основе своей хорошего, от искусственной и пустой жизни и нравственно здоровой и полезной. Львов оставляет службу и возвращается в Россию, «чтобы дать наилучшее воспитание своим двум мальчикам», считая, что дети его «запущены этой жизнью за границей», читает грамматику Буслаева. Но признаки прошлого еще очень сильны в нем, отсюда и сигара, и пристрастие к французскому языку.

Вронский до встречи с Анной часто предавался офицерским кутежам, и табак в его быту был обязателен и привычен. Правда, из круга которых он прежде не выходил, определяли, что «нужно заплатить

шулеру, а портному не нужно, — что лгать не надо мужчинам, но женщинам можно, — что обманывать нельзя никого, но мужа можно, что нельзя прощать оскорблений и можно оскорблять и т. д.».

Вронскому казались «пошлыми», «старомодными» и «смешными» люди, которые считали, что «одному мужу надо жить с одной женой», «что надо воспитывать детей», «зарабатывать свой хлеб» и прочее.

Находясь в обществе влюбленной в него Кити Щербацкой, Вронский испытывает «приятное чувство чистоты и свежести, происшедшее отчасти и оттого, что он не курил целый вечер».

Убожество нравственного кодекса Вронского-офицера очевидно, но впоследствии он шаг за шагом отказывается от него: жертвует своей карьерой, не считает возможным обманывать мужа Анны, никогда не говорит ей неправды и, не страшась роли человека «старомодного и смешного», живет с «одной женой» и считает необходимым в будущем «иметь и воспитывать детей».

Серьезность отношения к Анне, которую Вронский считает «своею женой, как и всякую другую жену», по своему возрождает его, и впоследствии мы ни разу не встречаем на страницах романа упоминания о том, что Вронский курит.

Но не только откровенно безнравственные люди, по мнению Толстого, сделали привычным употребление табака, навсегда заглушив голос совести.

В упомянутой нами статье писатель высказал мысль, что нередко «самые чуткие натуры», особенно болезненно воспринимающие «разлад жизни и совести», злоупотребляют одурманивающими средствами и даже «погибают от них».

Такова в романе судьба Николая Левина, который, по убеждению его брата Константина Левина, «всегда хотел быть хорошим», но «никто не только не поддержал его», но все «смеялись над ним». Видя, что «все на свете дурно и гадко», Николай, чтобы забыться, предался порочным страстям — курению, пьянству — и погиб.

Безусловно, к категории «самых чутких натур» относится и главная героиня романа — Анна Каренина.

Обаяние ее образа так велико, ее право на счастье для нас так очевидно, что порою мы упускаем из виду, что сама Анна, по воле Толстого, свою связь с Вронским воспринимала как падение, как грех, как нарушение своего нравственного долга.

Взгляды Толстого на роль и призвание женщины широко известны. Он считал, что назначение женщины состоит в том, чтобы быть «в одно и то же время женой мужа, хозяйкой дома», «носить, кормить и воспитывать детей». От этого «страшного труда» Анна оказалась освобожденной — сначала по вине бездушного и лицемерного общества, лишившего ее права на брак с любимым человеком и разлучившего ее с сыном, затем и по собственной вине: Анна не хочет и не может быть Вронскому никем «кроме любовницы, страстно любящей одни его ласки».

Во время своего визита к Анне Дарья Александровна видит, что все в благоустроенном и роскошном доме Вронского «делается и поддерживается заботами самого хозяина От Анны, очевидно, забыто село все это не более, как от Весловского». Она с удивлением убеждается в равнодушии Анны к дочери, в ее упорном нежелании иметь детей.

Освободив себя от естественных женских обязанностей, Анна, по мнению Толстого, будучи натурой чуткой, не может не испытывать страшных нравственных мук, которые пытается заглушить занятиями, «отвлекающими внимание от указаний совести». Она изучает агрономические, архитектурные, коннозаводческие и спортивные проблемы, которые занимают Вронского, заботится о семействе англичанина, пишет роман для детей. Писание романа сопровождается курением.

«Мы с Иваном Петровичем поместились в кабинете Алексея, — сказала она, отвечая Степану Аркадьичу на его вопрос, можно ли курить, — и, взглянув на Левина, вместо вопроса: курит ли он? подвинула к себе черепашковый портсигар и вынула пахитоску».

В статье, которую мы несколько раз цитировали, есть прямое указание Толстого о смысле курения во время работы: «Если я не курю, я не могу писать. Мне не пишется, я начинаю и не могу продолжать», говорят обыкновенно, говорил и я. Что же это значит? А то, что тебе или нечего писать, или то, что ты сейчас хочешь уже написать, еще не созрело в твоём сознании».

Исключительность натуры Анны Толстой подчеркивает не тем, что она отказывается, по словам брата, быть «только самкой», а тем, что она осознает искусственность этих своих занятий.

«Я сдерживаю себя, жду, выдумываю себе забавы — семейство англичанина, писание, чтение, но все это только обман, все это тот же морфин», — говорит она Левину, поражая его своей правдивостью».

В тяжелые минуты «потерявшая себя» Анна не только курит, но и не может спать без морфия.

В романе «Анна Каренина» курение героев означает их сделку с совестью, фальшь, нарушение нравственных норм поведения или бессмысленность общественных действий и учреждений современной Толстому эпохи.

Проведенное нами частное наблюдение свидетельствует о многогранной связи концепции автора и создаваемых им образов.

Разумеется, сама концепция Толстого в данном случае более чем уязвима. И тем не менее, разве не интересно посмотреть, как писатель последователен в отстаивании своей точки зрения?

А. ЗАПАДОВ,
доктор филологических наук, профессор.

Е. СОКОЛОВА,
кандидат филологических наук.